

ИСТОРИЯ ЕГОРОВОЙ (СМОРОДИНОЙ) ТАТЬЯНЫ

Смородина Татьяна Ивановна
(Воспоминания в 93 года)

Родилась я в деревне Ворониха (Воронина Мельница) Волокского сельского совета Боровичского района Новгородской области в крестьянской семье, где было семь детей: Татьяна (1922 г.р.), Николай (1925 г.р.), Нина (1927 г.р.), Мария (1930 г.р.), Виктор (1935 г.р.), Юрий (1937 г.р.), Владимир (1941 г.р.). На июнь 2015 г. в живых осталась я одна. На войне в 1942-м году погиб

брат Николай.

Отец мой Иван Васильевич Васильев работал бригадиром, а мать Евдокия Павловна Васильева работала председателем колхоза «Заветы Ильича». За успехи в работе её направили на ВДНХ в Москву.

Я закончила 7 классов Волокской школы, в которую поступила в 8 лет. В 15 лет после окончания школы год работала в колхозе. В 1938 году поступила в фельдшерско-акушерскую школу, была старостой 7-й группы медсестёр по уходу за детьми. В 1940 году закончила её и получила специальность медсестры детских учреждений. По распределению работала в посёлке Тухун.

22 июня 1941 года было воскресенье и открытие местного парка, который сделали сами комсомольцы и жители посёлка. Были построены трибуна и танцплощадка. Во всю гремела музыка. Ничто не предвещало беды. Все веселились. У меня был друг Пётр Иванович Соколов 1923 г.р., который учился на машиниста в Любытино, а на выходные всегда приезжал домой. Нами и нашей дружбой любовалось всё село. Парень был целеустремлённый, серьёзный, немногословный. Он долго

ухаживал за мной. У нас была первая любовь — чистая, незабываемая, чувства были взаимные. Мы как и все находились в парке. Вдруг по радио Левитан объявил о начале войны с Германией. Все замерли от этого сообщения, стояли как вкопанные, слушали и молчали. Потом началось невообразимое. Заголосили замужние женщины. Мужья успокаивали их — война быстро закончится, как финская. У моего друга покатались слёзы из глаз. Он знал, что я военнообязанная. А тут моя хозяйка Ксения Паршинцева, у которой я снимала квартиру, принесла мне повестку в военкомат. Мой друг словно чувствовал, что эта наша последняя встреча, как показало потом время. Утром собрав свои нехитрые пожитки, уехала в Боровичи в военкомат. Мне выдали военную форму, кирзовые сапоги и направили в эвакогоспиталь №2019 медсестрой. Со мной сюда же определили и мою подругу А.И. Новикову. Потом я поехала домой проститься с родными, мама была в роддоме. Она родила 26 июня 1941 года брата Владимира (умершего потом в раннем возрасте). Семья встретила меня слезами. У меня же слёз не было, я не понимала тогда, что ждёт нас впереди и страха не было. Но внутри всё каменное стало. Понимала одно: я нужна для работы в госпитале и была в решимости помогать раненым. Из дома в госпиталь в Боровичи на войну меня проводить вышло всё наше село. Жара, а я в форме, в кирзовых сапогах с длинной косой. Кто принёс яичко, кто пирожок домашний, многие не сдерживали слёз. Подошел автобус к деревне Хвощник, я села в него и он поехал в Боровичи. А земляки махали мне долго не уходя домой. Такие проводы тоже незабываемы. Как объединило всех людей общее горе!

В госпитале №2019, расположенном в многоэтажных зданиях на ул. Пушкинской (педучилища и соседнего здания школы было 4 отделения: нейрохирургическое, хирургическое, стоматологическое и глазное). Начальником госпиталя был тогда Эйдельман Георгий Дмитриевич, замполит — Симонов Фёдор. Меня определили в нейрохирургическое. В госпитале нас всех выстроили по отделениям. Вот и спрашивает нас начальник отделения: «Кем Вы работали, Смородина?» Я отвечаю: «Медсестрой в детских яслях». Из 200 человек медсестёр нас оказалось 15 с квалификацией медсестра детских учреждений. «Что же я с Вами буду делать?» — возмущается начальник. Косу пришлось

остричь, разрешили обувать туфли летом. Нас учили всему. С 26 июня 1941 года, в течение 2-х дней мы оборудовали палаты, операционные, готовились встречать раненых. Крутили тампоны из ваты. Первые раненые к нам поступили в конце июня. Это были кадровые военнослужащие, молодые ребята. Такую ужасную картину я увидела впервые в жизни. И вот тут-то слёзы полились непроизвольно и душили меня как и других работников госпиталя. За два дня госпиталь наполнился полностью. Раненые были размещены в коридорах. Началась борьба за жизнь раненых ребят кадрового состава. В здании стояли стон и крики. Шокировал раненый в череп, у которого часть мозга висела сбоку головы. Долго лечили его, а потом снова отправили на фронт. В нашем отделении лечили раненых в позвоночник. Это были лежащие тяжелобольные бойцы, часто и с другими ранениями. И в голову, в частности. Помню, как одному бойцу, еврею по национальности, ампутировали руку дав ему наркоз. Когда он очнулся, долго стонал, а потом кричал: «Где моя рука?! Отдайте мне мою руку! Это ты, Таня, отрезала мне руку?» — спрашивал он меня. С ним работало много хирургов. Они объясняли ему, что спасли ему жизнь, что он будет жить и без руки, которую отняла война. Но ещё долго он стонал и медленно говорил: «Где моя рука?»

Привыкнуть к ужасам госпиталя было невозможно. Каждый раненый вызывал у нас слёзы и истинное сочувствие. Представьте раненого, которому оторвало на фронте бороду. Лицо заканчивалось зубами, которые были повреждены и торчали в разные стороны. Жуткая картина, жуткие страдания. Кормили его через трубочку. Этого раненого потом отвезли в глубокий тыл на дальнейшее лечение. Врачи говорили, что сделают ему зубы лучше, чем были свои. Раненых кормили 4 раза. Операции шли день и ночь. Иногда не хватало персонала. Мне приходилось ассистировать хирургам. Легко раненые помогали нам делать ватные шарики, а когда им давали шоколад, они делились с нами. Я научилась ставить шины, потом работала гипсотехником, определяла группу крови.

Многие раненые возвращались на фронт, многие стали инвалидами, а другие нашли в Боровичах свой последний приют в братских захоронениях. Вечная им память!

В 1942-м году наш госпиталь был эвакуирован. Сначала отправили раненых, в основном в Ярославль. А потом медперсонал на 5-ти машинах перебросили в Хвойную, потом на поезде и на машинах ехали день и ночь в другое место. Мы не знали куда нас везут. Ночевали в лесу. Рано снова в путь. Приехав на новое место, стали сразу оборудовать прифронтовой госпиталь. Рядом стояла лётная часть, где заболели лётчики. Мы им делали уколы. «Пожалейте нас, девчата! Нам и так больно». Мы давали им табак, а они нам свой шоколад. Два дня лечили их. Позже снова нас вернули в Боровичи в свой госпиталь.

В 1943-м году пошли раненые из Мясного Бора. Истощённые, измученные голодом. Вши были везде. Эти раненые были уже в возрасте, взрослые мужчины. Не было теперь времени плакать, надо было действовать. Порой сутками не уходили из госпиталя.

Шли трудные годы войны. Мы переписывались с Петром. Но он погиб в Белоруссии в 1943-м, ему было 20 лет. Вечная ему память!

Я узнала о гибели своего друга Петра Соколова от его брата, приехавшего в Боровичи. Не уцелел Пётр на войне, но навсегда остался в моей памяти юным и дорогим моему сердцу соколом.

Мне довелось ассистировать самому хирургу Вишневному Александру Александровичу один раз. Он был среднего роста. После проведённой операции он уехал. Сказать надо о жителях города. Они несли в госпиталь картофель, морковь, разные ягоды: смородину, клюкву, бруснику, овощи и угощали нас и раненых. Приезжали и артисты, давали концерты. Мы в работающий городской театр не могли ходить, были постоянно заняты работой, таскали носилки с ранеными. У меня обострился аппендицит. Меня тут же оперировали, операцию выполняла хирург Галина Михайловна Толстова. (В 1944-м году я вышла замуж, родила дочь, назвала свою дочь её именем). Когда я сама была лежачей, приехали артисты и давали на улице концерт. Тогда легкораненые сами отнесли меня на носилках во двор и я тоже смотрела концерт и фокусы со стаканом воды, помню. Потом отнесли меня обратно на носилках в палату. В городе во время войны не было автобусов, был гужевой транспорт и грузовые машины. Работало радио. Я была комсомолка, секретарь ком-

сомольской организации, отделения. В конце 1942-го года вступила в члены КПСС и меня избрали секретарём партийной организации нейрохирургического отделения госпиталя. Проводила утреннюю физзарядку, готовила политинформации для раненых, читала им газеты: «Красную искру» и «Комсомольскую правду», в основном. Мы работали без выходных и без отпусков в то время. Рабочий день длился с 8 утра до 24-х часов. В 7-30 физзарядка, потом завтрак, работа, обед и ужин были обеспечены всем военнообязанным, кроме вольнонаёмных, которых не кормили, хотя работали они также как и военнообязанные. Мы делились с ними едой. Нам был установлен оклад 300 рублей. 200 рублей я отправляла домой родителям. Я жила у тётки, в её семье было пять детей, мне поставили кровать в прихожей. По сути дела, я там только спала. Всю войну в городе круглосуточно работали бани. Нас в шинелях пропускали мыться без очереди рано утром или в обеденный перерыв. Было в городе и электричество. Подруга познакомила меня со своим братом Егоровым Ефимом Семёновичем, который умел ремонтировать туфли. Он был лейтенант милицейской службы, инвалид Великой Отечественной войны, раненый в правую руку. Так мы познакомились, а потом поженились. Когда у нас 26 июля 1944 года родилась дочь, я уволилась из госпиталя. Мы с супругом жили в посёлке Хвойная, где я и встретила Победу. Провожала на работу мужа, пришла соседка и сообщила, что закончилась война и запела песню, а я заплясала. Вечером отметили Победу за общим столом, радовались, что мы победили фашизм и не отдали свою Родину Гитлеру. Надо было строить новую жизнь.

Господь дал мне долгую жизнь. Мне идет 94-й год. Государство наградило меня многими наградами. Среди них Орден Отечественной войны 2-й степени, медаль за «Победу над Германией», медаль Жукова, знак «Фронтовик» и много юбилейных медалей. Я чувствую поддержку государства как фронтовик и ветеран Великой Отечественной войны. Благодарю Президента Владимира Владимировича Путина за это, городскую и областную администрацию, благодарю свою дочь Галину. Дай Бог всем здравия. Люди! Берегите мир! Он достался нам большой ценой.